

После того как Лу Чжиянь исчез в конце коридора, Су Няньань ещё долго стоял на месте. Пальцы сжимали мокрую тряпку, и грубая ткань уже натёрла подушечки до боли.

Шерстяной ковёр в гостиной всё ещё был влажным. Холод от мокрой поверхности пробирался через подошвы, и ступни постепенно онемели.

Он простоял так довольно долго и лишь когда ноги почти перестали слушаться, осторожно сдвинулся с места.

Голод вновь скрутил живот. С самого утра он выпил только глоток холодной воды — не то что горячей еды, даже нормального кусочка во рту не было.

В доме Лу каждый слуга занимался своим делом, но никто не обращал на него внимания.

Тётушка Чжан с двумя молодыми служанками убирала посуду в столовой. Они весело переговаривались, но стоило краем глаза заметить Су Няньаня, как на лицах тут же появлялось презрение. Говорили они нарочно вполголоса — как раз достаточно громко, чтобы он слышал.

— И правда решил, что хозяин? Стоит там, мозолит глаза и ещё ждёт, что мы будем ему прислуживать?

— Господину до него никакого дела, так зачем нам возиться? Пусть разок поголодает — сразу вспомнит своё место.

— На кухне осталось немного еды. Вот сами доедим, потом можно ему вынести. И на том спасибо скажет. Незаконнорождённый деревенщина, а хочет свеженького?

Су Няньань отвернулся, делая вид, что ничего не слышит, но каждое слово всё равно проникало в уши и тяжело давило на грудь.

Он не решался подойти и попросить еды, не осмеливался спорить со слугами. В этой холодной вилле ему не хватало смелости даже потребовать себе тарелку горячей пищи.

Он медленно отошёл в угол гостиной, сел у ледяной стены, обхватил колени руками и сжался в маленький комочек.

Солнце постепенно смещалось. Пятно света, падавшее через панорамное окно, становилось всё меньше, а в доме делалось прохладнее.

Су Няньань смотрел на зелень за окном. Ветер раскачивал листья, и ему казалось, что даже этот ветер холодный.

У Су он хотя бы жил в маленькой комнате, пусть и ел там холодные обеды. Здесь ему выделили гостевую, но он по-прежнему оставался чужим, не способным стать частью этого дома ни на каплю.

Неизвестно сколько времени спустя тётушка Чжан подошла с белой фарфоровой миской. Небрежно поставила её прямо на пол перед Су Няньанем — раздался короткий стук — и, даже не удостоив его взглядом, развернулась и ушла.

Су Няньань опустил глаза на еду, и сердце тут же защемило.

В миске лежали остатки холодного риса: зёрна затвердели и слиплись. Рядом — несколько кусков уже кем-то надкусанной зелени и половинка остывшего ребрышка. Соус застыл на дне тёмной плёнкой. С первого взгляда было понятно, что это остатки после еды слуг, которые даже не потрудились подогреть.

Ни супа. Ни горячей воды. Только миска ледяных обедков.

Другой человек, возможно, швырнул бы её на пол или расплакался от унижения. Су Няньань не сделал ни того ни другого.

Он прожил так в семье Су двадцать лет и давно привык, что его обделяют, привык глотать обиды вместе с едой.

Замёрзшей, покрасневшей рукой он взял лежавшую у миски пластиковую ложку и начал есть.

Холодный рис был твёрдым и неприятно скрипел на зубах, царапая горло при каждом глотке. Остывшая зелень отдавала застывшим жиром и неприятным запахом. Су Няньань подавлял отвращение и медленно жевал.

Голод оказался сильнее унижения. Он слишком давно не ел: перед глазами уже плыло, и теперь ему было всё равно, насколько холодны и несвежи остатки, лишь бы наполнить желудок.

Обедков было немного. Скоро миска опустела, и Су Няньань даже ложкой соскоблил со дна застывший соус.

Он не ждал, что кто-то из слуг станет мыть за ним посуду. Да и сама мысль была нелепой: они с удовольствием издевались над ним, с чего вдруг им ему помогать?

Су Няньань отнёс пустую миску на кухню, вымыл её и снова забился в угол, не решаясь лишний раз двинуться.

Постепенно стемнело. В доме зажглись лампы, и тёплый жёлтый свет залил гостиную, но не мог прогнать холод из его сердца.

Слуги один за другим ушли в общежитие для персонала. В огромной вилле остались только Су Няньань и Лу Чжиянь, живший на втором этаже.

Гостевая Су Няньаня находилась в самом конце коридора второго этажа. Дворецкий лишь велел ему без нужды не появляться в общих помещениях, но возвращаться к себе не запрещал.

Су Няньань медленно поднялся по лестнице, открыл тонкую деревянную дверь гостевой. Всё выглядело как днём: односпальная кровать, старый шкаф — и даже нормального толстого одеяла не было.

Он лёг на кровать, свернулся и закутался в тонкий плед, который принёс с дивана в углу гостиной. Плед был лёгким и холодным, пах слабой пылью и совершенно не спасал от ночного холода.

Су Няньань повернулся лицом к стене и смотрел в чёрное окно. Звёзды скрылись за облаками, нигде не было видно даже точки света.

Ночной ветер усилился. Он гудел за окном — совсем как в те ночи, которые Су Няньань проводил в кладовке дома Су.

Холодная еда тяжело легла в желудке, и живот начал тупо болеть. Су Няньань сжался ещё сильнее, прижал к животу обе руки и спрятал лицо у коленей.

Ни тёплой постели, ни доброго слова. Только холодная кровать, пронизывающий воздух и миска едва съедобных объедков.

Он не заметил, когда уснул. Сон был поверхностным: от малейшего шороха Су Няньань просыпался.

Ему снились холодные лица семьи Су, безразличный взгляд Лу Чжияня и насмешки прислуги. Сколько ни ворочайся — снова и снова одни и те же неприятные картины.

Посреди ночи Су Няньань проснулся от холода. Всё тело промёрзло, зубы слегка стучали. Оставалось лишь плотнее завернуться в тонкий плед и сжаться на узкой кровати.

Лунный свет падал на его одинокую фигуру — маленькую, жалкую, словно пылинка, забытая в дальнем углу.

Он не смел плакать и не смел издать ни звука. Только молча терпел.

Су Няньань знал: вот такой будет его жизнь у Лу — без тепла, без достоинства, только бесконечные обиды и вынужденные уступки.

Эта ночь была долгой и холодной. Он пролежал, свернувшись, на ледяной односпальной кровати до самого рассвета и лишь когда небо побелело, осторожно распрямил затёкшее тело.

<http://bllate.org/book/20587/2058862>